

Слабость валила с ног, тело сделалось ватным, неслучным. Что-то шло не так, но, сколько Ши И ни пытался разлепить веки, глаза отказывались повиноваться. Лишь откуда-то из тьмы доносился глухой, сдавленный шепот — полный отчаянной нежности и глубокой скорби.

Когда сознание наконец вернулось к нему, он уже лежал в больничной палате.

Открыв глаза, Ши И едва не опешил: помещение было забито людьми. Пришел даже отец, обычно загруженный работой по самое некуда, хотя смотрел он на сына с ледяным отчуждением. Старшая сестра, Ши Цин, стояла у самой койки с покрасневшими глазами, а мать и вовсе безутешно рыдала.

И только брата нигде не было видно.

— А где Цзян Чжу? — спросил Ши И, к которому медленно возвращалась ясность мысли.

В памяти всплыли события перед обмороком. Он лишь досадно хмыкнул. Рядом с этим парнем он всегда терял бдительность — и надо же было так подставить! Неужели тот разозлился настолько сильно?

С этой мыслью Ши И откинул одеяло, намереваясь встать и отправиться на поиски, чтобы всё объяснить, но сестра тут же ладонью надела ему на плечо.

Ши Цин смотрела на него с явным осуждением:

— Тебе лишь бы о нем печься! Ты прошел вторичную дифференциацию! Понимаешь, насколько опасно сейчас разгуливать где попало? Мама из-за тебя чуть с ума не сошла!

Ши И перевел взгляд на Хэ Ваньшу и виновато улыбнулся, но та лишь тихо всхлинула и отвернулась, избегая его взора.

Он решил, что просто до смерти напугал мать, привыкшую к спокойствию. Вообще-то, после официальной части банкета старшее поколение обычно лишь обменивалось любезностями и налаживало связи, так что при желании они могли уехать раньше. Погнавшись за Цзян Чжу, Ши И совсем забыл предупредить её.

Повернувшись к сестре, он небрежно бросил:

— Вторичная дифференциация так вторичная дифференциация, эка невидаль. Рано или поздно это должно было случиться. Так где Цзян Чжу? Мне нужно с ним поговорить... Сс-с...

Он поморщился и потер затекшую шею. Голова кружилась, а все тело ломало от тупой боли — так бывает после тяжелой, изнурительной лихорадки.

Странно. С самого детства он почти не болел, а уж чтобы чувствовать себя *настолько* паршиво — такое случалось впервые.

Ши И снова попытался подняться, но Ши Цин удерживала его.

Собратья по палате смотрели на него странными, тяжелыми взглядами, будто из последних сил сдерживали что-то внутри. Плечи матери судорожно вздрагивали, а плач становился всё глуше.

Ши И растерянno оглядел присутствующих и остановил взгляд на сестре.

У Ши Цин был сдержанный, суровый характер, он отроду не видел её слез.

— Что с вами всеми? — не понимал Ши И. Подумаешь, дифференциация. Откуда такие лица?

— Ты действительно дифференцировался, но... ты не Альфа, — Ши Цин отвела взгляд, не в силах смотреть ему в глаза. Она сжала его ладонь в своих пальцах и, судорожно вздохнув, с трудом выговорила: — Ты... ты вторично дифференцировался в Омегу...

— Чего?.. — Ши И замер, хлопнув глазами. Ему показалось, что он все еще спит и это лишь бредовый сон.

Что за дурацкая шутка?

Как такое вообще возможно?

— Сестра, да хорош тебе травить...

Ши И потер гудящий лоб и сморщился:

— Какая еще Омега? Будь я Омегой, мои предварительные тесты не показали бы выше восьмидесяти баллов.

— Ши И, — чеканный, ледяной голос отца заставил его замолчать.

Ши Линь шагнул вперед. Подтянутый, в идеально отглаженном военном кителе, он высился над кроватью, излучая непререкаемый авторитет верховного командующего:

— Я никогда не шучу. Ты действительно вторично дифференцировался в Омегу.

Ши И широко раскрыл глаза. Губы его дрогнули, но он не смог вытолкнуть ни звука.

Если кто и мог над ним подшутить, то только не отец.

Десятилетия военной службы превратили Ши Линя в человека сурового, словно камень. Он был единственным в семье, кто никогда в жизни не произнес ни единого праздного слова.

— Не может быть... Ложь... Невозможно... — пораженно пробормотал Ши И.

Паника липкой волной захлестнула сердце. Принять этот приговор было выше его сил; и без того бледное лицо окончательно пошло мелом.

С самого детства он демонстрировал выдающийся талант. Он унаследовал абсолютно всё лучшее от своего отца-гения и даже превзошел его. Ши И уже видел свое грандиозное, блистательное будущее, видел, каких высот достигнет на военной службе... И теперь ему заявляют, что он Омега?!

Омега! Существо, чье будущее перечеркнуто одним росчерком пера, чья участь — быть выданным замуж или пожизненно барахтаться в бесконечных периодах течки?!

— Раз очнулся, собирайся. Возвращаемся домой, — холодно отрезал Ши Линь, развернулся и вышел.

Он увел за собой всех остальных, оставив сына наедине с новостью, разрушившей его жизнь до основания.

В поведении генерала не было ни капли отцовской мягкости, несмотря на то что перед ним лежал его собственный ребенок, только что переживший страшный шок.

Исчезли даже те скупые крупицы тепла, что существовали прежде. Ши И почувствовал, как по коже пробежал пронизывающий мороз.

Завершив необходимые формальности, они вернулись в поместье. Ши Цин срочно вызвали по работе — перед отъездом она крепко обняла брата, губы её задрожали, она хотела сказать слова утешения, но так и не смогла подобрать нужных фраз.

Ши И заперся в своей комнате. Он сидел на кровати, уставившись в одну точку, опустошенный и потерянный. Разум отказывался работать. Время для него остановилось, а сам он напоминал красивую, выпотрошенную куклу, лишенную искры жизни.

Старший брат, Ши Юй, когда-то вдребезги разругался с отцом и несколько лет назад сбежал из дома. Связь с ним практически прервалась, он будто сквозь землю провалился. Ши Цин хоть и была высокочеловеческой Альфой, раскрыла свой редкий дар в сфере конструирования и дизайна мехов — Научно-исследовательский институт забрал её ещё юной, и сейчас она являлась самым молодым главным инженером Империи.

Но к военной службе и большой политике она не имела никакого отношения.

Ши Линь, возглавлявший четырёх генералов Империи и командовавший тремя легионами, уступал по влиянию только Старому маршалу. Он с малых лет возлагал на младшего сына огромные надежды, готовил его в свои преемники.

Ши И оставался последней надеждой рода.

И вот теперь...

Вспомнив ледяной взгляд отца, Ши И содрогнулся. Он наверняка разочаровал его до глубины души.

Но Боги, как же это несправедливо! Как смириться с подобным?!

И главное — почему? Почему всё закончилось именно так?

Будь он бездарностью с самого начала, он бы смирился с судьбой. Но когда железобетонная, гарантированная дифференциация оканчивается катастрофой, когда рушатся все мечты и надежды — как такое принять?!

Прикусив губу до крови, Ши И долго колебался, но всё же решился открыть дверь и направился к кабинету Ши Линя. Ему нужно было поговорить с отцом. Отец сегодня вообще остался дома только из-за происшествия с сыном — обычно он и на пару дней в году не покидал военное ведомство.

Однако у самой двери Ши И замер.

Внутри находилась мать. Они спорили.

Такого не случалось *никогда*.

Хэ Ваньшу всегда оставалась кроткой, утонченной женщиной, дарящей всем мягкую улыбку, а Ши Линь, каким бы суровым ни казался окружающим, с собственной Омегой никогда не повышал голоса.

Но сейчас оба были на пределе.

Ши И затаил дыхание, прислушиваясь.

— К нам уже очереди из сватов строятся! Новину не утаить, ты же знаешь, сколько глаз следило за мальчиком с самого детства! — раздался жесткий голос Ши Линя. — Раз он дифференцировался в Омегу, путь у него один — замуж!

— Ты не можешь так поступить! У парня такое гордое сердце, ты же прекрасно знаешь, что с ним станет... — голос Хэ Ваньшу прерывался, но Ши И без труда достроил несказанное.

Мать заступалась за него. Ей было больно смотреть, как её сына превращают в обычного домашнего Омегу, потому она и пошла против воли мужа.

Супруги, прожившие душа в душу не одно десятилетие, впервые сошлись в жестокой схватке.

И всё из-за него. Из-за его бесполезности. Из-за того, что он превратил весь род Ши в посмешище!

В носу защипало, горло сжал судорожный спазм. Не в силах больше выносить этого разговора, Ши И, словно тень, поплелся обратно к себе.

А за дверью кабинета перепалка не утихала.

— Ты подталкиваешь его к пропасти! Ты хоть понимаешь, чем это грозит?! — глаза Хэ Ваньшу покраснели и опухли, от образа светской львицы не осталось и следа.

— Он уже взрослый. Что бы его ни ждало дальше — это его крест и его выбор, — отрезал Ши Линь, сохраняя непреклонность. Раньше одно лишь тень печали на её лице отзывалась бы у него в сердце болью, но сейчас генерал проявил жестокое милосердие. — Пора понять: лёгких дорог в этом мире не бывает.

Мать больше не проронила ни слова. Не желая видеть мужа, она круто повернулась и вышла.

Она постучала в комнату Ши И, но ответа не последовало. Толкнув дверь, Хэ Ваньшу увидела сына: тот свернулся калачиком на кровати, поджав колени к груди — в позе, выдававшей крайнее отчаяние и незащищённость, — и слепо смотрел в пустоту.

Хэ Ваньшу тихо подошла и ласково обняла свое самое любимое дитя, не находя слов для утешения.

Ши И медленно моргнул, приходя в себя. Он поднял руку, осторожно коснулся её зарывавших глаз и пробормотал сдавленным, сиплым голосом:

— Ну что ты, мамочка, не плачь... А то красоту всю смыла.

Слезы Хэ Ваньшу хлынули с новой силой. Говорят, Омеги сделаны из воды — и это было чистейшей правдой. Ши И попытался вытереть её щеки, но лишь размазал тушь, окончательно смутившись.

Омеги действительно столь хрупки и нежны.

— Всё хорошо, мама. Я со всем справлюсь. Что бы ни произошло — я всё сделаю правильно, — через силу улыбнулся он, пытаясь её подбодрить, но от этих слов материнское сердце разрывалось ещё сильнее.

Она лишь качала головой, судорожно глотая воздух. Любые утешения сейчас звучали фальшиво и беспомощно.

Они долго сидели в тишине, пока Хэ Ваньшу, совершенно обессиленная от горя, не заснула. Ши И бережно поднял её на руки, отнес в родительскую спальню и уложил на кровать.

С самого момента его приступа мать не сомкнула глаз ни на минуту.

Вернувшись к себе, Ши И, подавляя тошноту и глухое отвращение, активировал личный ИИ-терминал. Он открыл свод законов и медицинские справочники, касающиеся Омег. Чем дальше он листал страницы, тем сильнее темнело у него в глазах, а на бровях залегала глубокая складка.

* «Омега обязан соблюдать абсолютную верность своему Альфе; любые близкие контакты с третьими лицами строгойше запрещены».*

* «В случае гибели Альфы, после процедуры выжигания метки, Омега имеет право вступить в повторный брак, но не более двух раз за всю жизнь».*

* «В период течки Омеге надлежит оставаться дома. Использование подавителей допускается лишь в том случае, если назначенный Альфа не имеет возможности прибыть в течение двадцати четырех часов».*

* «Омеги, достигшие двадцатилетнего возраста и не получившие метку, подлежат принудительному распределению через государственные органы...»*

Пальцы Ши И задрожали с такой силой, что он едва не швырнул проекционный терминал в

стену.

Что это за дикость?! Что за бред?!

<http://bllate.org/book/20113/1993463>